

формы въ литературѣ поэтической. „Народность“ извѣстнаго символа николаевскихъ временъ оставила недобрую память казеннаго лицемѣрія; ее сталъ назойливо проповѣдовать тотъ фальшивый патріотизмъ самохвальства и самодурства, который нашелъ себѣ обличеніе въ эпоху крымской войны, — но эта „народность“ имѣла и серьезный историческій источникъ. Нѣкогда, въ александровскія времена, молодое либеральное поколѣніе уже искало оцѣнку національнаго начала: въ мечтахъ объ общественной свободѣ думали и о свободѣ народной, вспоминали въ исторіи свободные обычаи и учрежденія древности и востѣвали ихъ въ романтическихъ поэмахъ и стихотвореніяхъ, — самъ Карамзинъ проливалъ слезу надъ паденіемъ новгородской вольности. Какъ историческое лицо, имп. Александръ былъ послѣднимъ отпрыскомъ XVIII вѣка; въ его теоретическомъ воспитаніи играли роль свободомысліе и филантропія эпохи „просвѣщенія“, но и то, и другое — далекія отъ дѣйствительной жизни народа, отъ историческаго прошлаго; отсюда теоретическая непрочность его взглядовъ, которая еще увеличилась отъ личной слабости характера, такъ что въ концѣ концовъ либерализмъ и филантропія могли допустить грубѣйшее вмѣшательство дѣйствительности — въ видѣ Аракчеева. Либерализмъ новаго поколѣнія былъ также въ сильной степени мечтательный и романтическій, но, испытавши потрясенія 12-го года, переживши впечатлѣнія войны за (національное) „освобожденіе Европы“, онъ уже стремился быть народнымъ: въ своихъ мнѣніяхъ о необходимости освобожденія крестьянъ онъ, при всемъ романтизмѣ, былъ вѣренъ глубочайшей исторической и общественной потребности народа. Въ николаевскомъ символѣ было, отчасти вынужденно, признано это начало „народности“, выросавшее въ самомъ обществѣ.

Несмотря на упомянутыя извращенія, официальное провозглашеніе „народности“ возбуждало дѣйствительное одушевленіе, потому что совпадало — въ терминѣ и въ общемъ смыслѣ — съ направленіемъ самой литературы и съ начавшимися этнографическими работами. Труды Сахарова, Снегирева, Пассека, Даля были приготовленіемъ къ научной разработкѣ предмета, которая открылась съ вліяніями нѣмецкой „исторической школы“, нѣмецкой филологіи и міеологіи, какъ они развились къ 40-мъ годамъ, и съ началомъ нашихъ изученій славянскаго міра. Труды Буслаева, Афанасьева, Срезневскаго и др. были уже прочнымъ началомъ научной этнографіи, какъ бы ни были взгляды этихъ ученыхъ измѣнены дальнѣйшими изслѣдованіями.

Мы говорили подробно въ другомъ мѣстѣ о дѣятельности но-